

ЧАСТЬ I. ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Шабаев Валерий Георгиевич

ЭВРИСЕМИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: словообразование, грамматическая категория, эврисемия, широкозначность, пассив, рефлексив, каузация, результатив, лексемообразование.

В данной статье обсуждается и анализируется аналитический способ лексемообразования в современном английском языке с использованием так называемых аналитических глагольных лексем, иначе – через явление эврисемии, когда глаголы приобретают ещё и функции полуслужебных глаголов, являющихся носителями тех или иных грамматических категорий, а именно: пассива, результатива, рефлексивности и каузации.

Keywords: word-formation, grammatical category, eurysemy, wide meaningfulness, passive, causative, resultative, lexeme-formation.

In this chapter we analyze the problem of analytical verb lexemes and eurysemy and the role, which analytical verb lexemes (AVL) with the wide-meaningful verb play in enlarging the corpus of modern English language – lexical and grammar characteristics of analytical verb lexemes ‘Wide-meaning verb + Adjective or Participles or Postpositions’. Word combinations with postpositions are called phrasal verbs. Postpositions here are lexical units (an adverb or a preposition), which follow the verb, and we do not know any convincing arguments to support the idea of a distinctive role, which an adverb or a preposition can play. Here we are trying to give an operating explanation of the use of homonymic postpositions in phrasal verbs.

Структура главы:

1. Проблема понятия значения.
2. Теория общего значения слова.
3. Лексическое значение в диахронии.

4. Предпосылки возникновения вопроса об эврисемии.
5. Соотношение эврисемии и полисемии.
6. Десемантизация широкозначных глаголов.
7. Концепция значения в когнитивной лингвистике

1. Проблема понятия значения

В этом параграфе пойдёт речь об одном из центральных вопросов современной лексической семантики – о структуре значения слова. Лексические значения – это «своего рода умственные «концентраты», сгустки человеческих знаний об окружающей нас действительности. Значения слов основываются на специфической форме отражения действительности – обобщении и абстракции. В основе слов и понятий всегда лежит обобщение, то есть отражение того общего, постоянного и устойчивого, что скрыто в многообразии и бесконечной переменчивости явлений» [32, с. 13]. В энциклопедическом словаре по языкознанию лексическое значение слова определяется как «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нём представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д. Это продукт мыслительной деятельности человека, оно связано с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение. Лексическое значение слова носит обобщённый характер» [73, с. 261].

Лексическое значение слова сопоставляется с философской категорией понятия. Проблема того, в чём состоит различие между понятием и значением, является одной из самых сложных и дискуссионных в современном языкознании. В словаре понятие, или концепт, определяется как явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение – в системе языка, понятие – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике.

Соотношение между двумя терминами различно в разных отношениях: значение шире, так как включает в себя оценочный и ряд других компонентов; значение уже понятия в том смысле, что включает лишь различные черты объектов,

а понятия охватывают их более глубокие и существенные свойства; значения соотносятся с ближайшими (формальными, бытовыми) понятиями, отличающимися от содержательных, научных понятий.

Понятие, лежащее в основе лексического значения, характеризуется нечёткостью, размытостью границ: оно имеет (1) чёткое ядро, благодаря чему обеспечивается устойчивость лексического значения слова и взаимопонимание, и (2) нечёткую периферию. Благодаря этой «размытости» понятия лексическое значение слова может «растягиваться», то есть увеличиваться в охвате, что позволяет использовать слова для обозначения предметов, не имеющих специального обозначения в данный момент. С подвижностью границ понятия связана тенденция к многозначности слова [70, с. 262].

В разработку теории лексического значения большой вклад внесли В.В. Виноградов, который занимался типологией значения слова, С.Д. Кацнельсон, исследовавший философские аспекты проблемы, Р.А. Будагов, сферой изучения которого была историческая семантика.

Различные концепции лексического значения затрагивают проблему иерархической организации признаков в составе значения слов. Не все компоненты, входящие в структуру лексического значения, обладают одинаковым статусом. Одни из них являются наиболее существенными, устойчивыми и образуют центр (ядро) значения, в то время как другие носят периферийный характер и подвержены изменениям.

Таким образом, лексическое значение слова характеризуется наличием содержательного ядра и периферии семантических признаков. Понятие о семантическом центре/ядре/«стержне» лексемы было введено В.В. Виноградовым для описания значения многозначного слова [20, с. 34]. Данную точку зрения разделял также и А.И. Смирницкий: «...если в данных гlosсах мы не находим такого «стержня», то они разделяются между двумя словами... В таком случае мы получаем омонимы» [68, с. 23].

В.В. Виноградов выделил в слове также основное номинативное значение, производное номинативное значение и экспрессивно-стилистическое значение.

Номинативно-непроизводное значение зависит от окружения. Производное значение образуется в результате переноса или специализации основного значения [20, с. 24]. Таким образом, *семантическая структура слова определяет собой совокупность отдельных вариантов лексического значения, среди которых выделяются (1) основные значения, (2) производные переносные и (3) специализированные*. Каждый лексико-семантический вариант представляет собой иерархически организованную совокупность сем (минимальных содержательных единиц). В его структуре выделяется интегрирующее родовое значение (архисема), дифференцирующее видовое (дифференциальная сема), а также потенциальные семы, отражающие побочные свойства предмета, существующие реально или приписываемые ему коллективом. Эти семы важны для создания переносных значений слов. Например, у слов *идти, ползти, лететь* в их прямом значении архисема – значение *движение*, дифференциальные семы – *способ передвижения*, потенциальные – *темп движения*. При переносном употреблении слова архисема и дифференциальная сема отходят на задний план, потенциальные актуализируются, получая статус дифференциальных (*время идёт, ползёт, летит*) [73, с. 262].

Представители различных научных направлений подчёркивают неоднородность смысловых элементов в пределах слова, делают попытки выделить в значении слова постоянные и переменные составляющие, установить сферу устойчивого и изменчивого в словесном знаке. Это различие в лексическом содержании слова подаётся в виде противопоставлений ближайшего и дальнейшего у А.А. Потебни [62], узкого и широкого [54], опорного и сопутствующего [64], архисемы (родовое значение) и дифференциальных сем (видовое значение) у В.Г. Гака [23, с. 13–14], формального и содержательного понятия у С.Д. Кацнельсона [36, с. 20] и т.д. Вопрос о том, что же в действительности представляет содержательное ядро слова, какие компоненты оно включает и каково их количество, пока не получил однозначного ответа. А.А. Уфимцева утверждает, что в «полисемическом слове, независимо от характера его смысловой структуры, не-

возможно вывести (как несуществующее) общее значение. Поэтому инвариантную часть в лексическом содержании следует интерпретировать как «наиболее устойчивую», служащую основой семантической производности. Абсолютно неизменным в индивидуальном содержании слова является исторически сложившееся и общественно признанное прямое номинативное значение, которое можно считать в определённом смысле инвариантным, сохраняющим смысловое тождество слова более чем другие лексико-семантические варианты» [76, с. 415].

Среди прочих концепций, описывающих семантическую структуру слова, представляет интерес концепция Ю.С. Степанова. Под значением вообще он понимает существующую в нашем сознании связь знака с тем, знаком чего он является. С точки зрения Ю.С. Степанова, значение слова (*сигнификат*) представляет собой высшую ступень отражения действительности в сознании человека. Значение слова отражает общие и одновременно существенные признаки предмета. Интегральные и дифференцированные признаки в совокупности составляют *сигнификат*, а только дифференциальные признаки образуют структурную часть внутри *сигнификата*, которую автор называет *означаемым*, или *десигнатом*. Десигнат отводит место новому понятию в системе уже существующих в группе лексики и создаёт костяк понятия, который затем обрастает интегральными признаками. По отношению к вариациям слова в плане содержания означаемое, или десигнат, может быть иначе названо *инвариантом*. Инварианты определяются через соотношения друг с другом, их сущность не зависит от позиции, в которой они находятся в данном конкретном высказывании, в речи. Варианты – это такие представители инвариантов, которые частично зависят от позиции в речи, от окружения [71, с. 13].

Итак, несмотря на разнообразие терминов, все исследователи сходятся во мнении, что в составе семантически многозначного слова присутствуют постоянные и переменные компоненты. Постоянным в лексическом значении, принадлежащим системе языка, считается содержательное ядро слова, или его семантический центр, который лингвисты также называют *стержень*, инвариант, основ-

ное номинативное значение. На периферии семантики слова находятся те частные значения (комбинаторные варианты), которые относятся к сфере речи и называются также производными (к ним относятся переносные и специализированные значения). Каждое из значений многозначного слова можно назвать его лексико-семантического варианта, который состоит из архисемы (интегрирующего родового значения ИЛИ интегральной семы) и дифференцирующего видового значения (дифференциальной семы), а также потенциальных сем, которые в определённом контексте актуализируются и становятся дифференциальными.

2. Теория общего значения слова

Наибольшее распространение имеет точка зрения, согласно которой ядром семантики является первое главное значение, таким образом, по отношению к нему все другие значения в слове производны [21, с. 172]. Главное значение не определяется контекстом, в то время как другие значения прибавляют к элементам главного значения элементы контекста [41, с. 246]. Одна из первых попыток определения общего значения принадлежит Р. Якобсону. Он попытался доказать существование общих значений с помощью разграничения языка и речи. Общее значение, или «основное» в его терминологии, приравнивается им к первому значению и относится к системе языка, противопоставляясь «частным» значениям, относящимся к сфере речи, т.е. отдельные частные значения являются вариантами общего значения. Попадая в конкретные условия речевого контекста, общее значение предстаёт в виде одного из своих комбинаторных вариантов, частных значений. Следовательно, по Р. Якобсону, первое значение может выступать в роли так называемого «общего значения», которое остаётся неизменной основой всех лексико-семантических вариантов, покрывая все смыслы слова.

Ш. Балли одним из первых указал на то, что виртуальное понятие, т.е. потенциальная единица содержания на уровне системы языка «всегда определяется ограниченным числом характерных черт по сравнению с актуальным значением. Последнее, будучи индивидуализированным, содержит в себе множество таких черт, которые не может исчерпать никакой практический опыт» [11, с. 87–88]. Е. Курилович, противник введения понятия общего значения, считает его «своего

рода абстракцией». По его мнению, лингвиста должны интересовать только те значения, которые функционируют в речи [45, с. 245].

Другие значения в слове производны. Главное значение не определяется контекстом, в то время как другие значения прибавляют к элементам главного значения элементы контекста. Вслед за Р. Якобсоном сформулировать общее значение на базе первого попытался В.А. Звегинцев. Он исходил из того, что всякое лексическое значение есть результат процесса обобщения, осуществляемого словом, следовательно, общее значение можно обнаружить у любого многозначного слова. В одном слове «не могут одновременно происходить несколько разных обобщений, происходящих по разным направлениям». Формирование общего значения идёт на базе переносных значений, причём в роли связующего элемента разных лексико-семантических вариантов слова выступает признак, носящий активный характер. Это объясняется посреднической ролью, которую он выполняет во взаимодействии процессов обобщения и называния словом множества конкретных предметов действительности, в которой человеческое мышление вскрывает общие признаки. Данный признак обладает изменчивостью, имеет широкий, приблизительный характер, являясь ориентиром, который направляет применение слова для обозначения всё новых и новых предметов действительности. Например, в слове «свинья» присутствует то понятие, которое сформировалось применительно к животному, и когда мы это слово соотносим с человеком, понятие не изменяется. Выражая его словами, мы как бы указываем, что этот человек обладает качествами свиньи [33, с. 158, 205–207]. Видимо, в том, что одно и то же понятие может быть применимо к различным классам предметов, которые мы подводим под единое понятие, В.А. Звегинцев и видел активный, изменчивый характер общего значения, выступающего в качестве связующего звена различных лексико-семантических варианты слова. Важным является вывод автора о том, что общее значение должно иметь широкий, приблизительный характер, но вместе с тем возникают сомнения, что общее значение можно сформулировать только на базе номинативно-непроизводного. Точка зрения

В.А. Звегинцева вызвала справедливую критику со стороны ряда лингвистов, занимающихся данной проблемой. Например, С.Д. Кацнельсон считает, что, подводя под единое понятие предметы, принадлежащие к разным классам, «мы вызываем магическое перевоплощение человека, наделяя его всеми качествами свиньи, в том числе и такими как парнокопытность, тупорылость, клыкастость, способность хрюкать и так далее». Поступая таким образом, мы «учиняем произвольную расправу над реальным многообразием актуальных значений» [36, с. 41–42]. Он считает, что, «...растворяя полисемию в едином «сверхзначении», приверженцы «общих значений», уничтожают различие концептуального и экспрессивного планов выражения и одновременно называют существующие в языке связи между экспрессивными переносными значениями и их синонимами» [36, с. 48–50]. Итак, на основании представленных точек зрения можно сделать вывод, что большинство ученых подтверждают то, что значения полисемантических слов связаны на основе неких общих признаков. Однако понятие общего значения подвергается критике. Вместо него используются термины семантический *стержень, ядро, инвариант*.

3. Лексическое значение в диахронии

Исследование значений широкозначных глаголов требует анализа исторического материала, необходимого для того, чтобы проследить, как развивалось значение глаголов, и изменилась ли их семантическая структура. Изучение изменения значений в истории языка является одним из направлений диахронического подхода к значению. Историческое развитие семантики слова определяется законами человеческого мышления и познавательной деятельности. Эта мысль уже высказывалась исследователями, изучавшими вопросы исторической семасиологии. Так, М.М. Покровский писал о том, что «вариации значений слов подчинены определённым законам, поскольку они соответствуют психологическим законам ассоциаций по смежности и по сходству и, несмотря на свою субъективность, вообще правильно и точно отражают соответствующие объективные изменения в жизни народов и их социальных групп» [60, с. 36]. К процессам, влияющим на образование новых значений, можно отнести явления расширения

или сужения значений новых слов. При расширении происходит движение от вида к роду, при сужении – от рода к виду. Семантическое развитие одного слова может иметь примеры и сужения, и расширения значения. *Сужение* значения – это языковая семантическая параллель одной из основных мыслительных тенденций: от неопределённости к определённости содержания. Оно представляет собой переход от общего значения к более частному. Так, английское слово deer, означавшее *дикое животное*, теперь используется для обозначения только *оленя*.

Под *расширением* значения понимают переход от более частного значения к общему. Расширение значения является языковой семантической параллелью индукции – мыслительной операции, заключающейся в движении мысли от конкретного к абстрактному, от знания единичных или частных фактов к знаниям общего порядка. К причинам изменения значений относятся также известные ещё со времён античности различные виды переносов – метафора, метонимия. Эти переносы базируются на известных типах психологических ассоциаций – по сходству либо по смежности. При метафорическом переносе новое значение появляется в результате восприятия двух предметов как сходных друг с другом. Практически, он представляет собой скрытое сравнение.

Перенос значения, основанный на смежности, называется лингвистической метонимией. Два предмета могут ассоциироваться потому, что они связаны в общей ситуации. Из-за этого образ одного легко вызывает образ другого. Историческое развитие значений глаголов широкой семантики уже изучалось некоторыми исследователями. Так, И.С. Сиротко-Сибирская, рассматривая структурные модели с глаголом *beon* в функции связки, пришла к выводу, что уже в древнеанглийский период он обнаруживает большую или меньшую степень ослабления лексического значения. Это связано с широким разнообразием именных компонентов, допускающим переосмысление в направлении всё большего обобщения и абстрагирования и в результате грамматизации знаменательного глагола [66, с. 54]. Но автор рассматривает только сочетаемость глагола и порядок слов в предложении, не обращая внимания на лексическое содержание, поэтому

нельзя с точностью утверждать, что изменение значения действительно имело место.

Древнеанглийский глагол *habban* рассматривается в работе Н.Т. Ждан. По её мнению, на уровне языка этот глагол передавал идею обладания в очень обобщённой форме и имел, таким образом, весьма абстрактный характер. Она сформулировала это обобщённое абстрактное значение как «отношение обладания», которое актуализировалось в четырёх речевых лексико-семантических вариантах. Индикаторами актуализации определённого лексико-семантического варианта глагола *habban* являлись слова-дополнения различных лексико-семантических групп. Автор считала, что эти лексико-семантические варианты были связаны отношением семантической производности [31, с. 33]. То есть, по её теории, у глагола *habban* было одно назывное значение и несколько значений, производных от него. Поскольку в качестве первого она выделяет значение собственно обладания, то производными являются лексико-семантические варианты со значением межличностных отношений, неотчуждаемой принадлежности и характеристизации. Как правило, «собственно обладание» предполагает владение чем-либо за деньги. В таком случае, не совсем понятно, как от этого значения образовались значения «межличностные отношения», «неотчуждаемая принадлежность», «характеристика», которые не имеют связи с деньгами. Кроме того, не совсем понятно, почему автор выделяет только четыре значения, ведь The Oxford English Dictionary, отражающий специфику древнеанглийского языка, даёт двадцать значений. М.А. Боровик, изучая глаголы *do* и *make* на историческом материале, пришла к выводу, что глаголы широкой семантики не возникают как таковые в словарном составе английского языка. Они образуются в результате длительного постепенного развития некоторых многозначных глаголов и свидетельствуют о высоком уровне развития человеческого мышления, способного к абстракциям и обобщениям. Необходимым условием для преобразования многозначного глагола в глагол широкой семантики является наличие в его смысловой структуре предельно-обобщённого значения, не получающего своего уточнения в контексте и обуславливающее его дальнейшее абстрагирование и вытекающую отсюда

грамматикализацию глагола. Широкое значение глагола должно также охватывать в своём обобщённом понятии все остальные значения, присущие данному глаголу и отражать в общей форме конкретные действия, отражаемые его другими значениями. В результате исследования автор заключила, что глаголы *do* и *make* уже на ранних этапах развития языка являлись многозначными словами, то есть имели наряду со своим исходным значением ещё несколько производных. Но эти глаголы прошли различный путь развития, в ходе которого у них образовались разные смысловые структуры в силу особенностей их употребления в речи: глагол *do* постепенно преобразовался из многозначного глагола в глагол широкой семантики, в то время как *make* продолжает сохранять свою многозначность в современном английском языке. Специфика значения глагола *do*, по её мнению, в том, что он обозначает единое понятие действия в обобщённом смысле, не конкретизируя его вне контекста. Но, как и все исследователи, она считает, что в сочетаниях под влиянием значения последующих слов его широкое значение конкретизируется [16, с. 18–19].

Попытку смоделировать процесс становления семантики широкозначных глаголов, создающих основу для развития комбинаторики нового типа в лексической системе английского языка, сделала И.В. Шапошникова. Она также пришла к выводу, что в древнеанглийском языке не было микросистемы широкозначных глаголов, процесс её образования начался в конце древнеанглийского периода и продолжался несколько веков. Основным условием для вхождения в микросистему являлось непротиворечивость исходного конкретного значения глагола развивающему широкому значению. Она выделила два этапа в развитии категории широкозначности. Первый заканчивается в среднеанглийский период и приводит к появлению семантической широкозначности, которая обусловлена способностью человека к абстрагированию, так как развившие её глаголы называют однотипные по своей природе манипуляции с многочисленными группами объектов, которые лишь по некоторым признакам совпадают с прототипическим объектом. На втором этапе происходит семантико-синтаксическое становление

широкозначности. Она пришла к выводу, что семантико-синтаксическая широкозначность носит типологически обусловленный характер [77, с. 4]. По всей видимости, в процессе развития широкозначности изменения происходят только в направлении расширения значения. Очевидно, появление новых значений в структуре слова широкой семантики не связано ни с метафорическими, ни с метонимическими переносами. Специфика широкозначных глаголов, по мнению исследователей, заключается в расширении их сочетаемости и ослаблении значения во вспомогательной функции. Несмотря на то, что глаголы *be*, *have*, *do* уже изучались на материале истории языка, изучение их семантики в диахронии является актуальным, т.к. предшественники занимались только сочетаемостью глаголов, и их выводы необходимо пересмотреть с позиций когнитивности.

4. Предпосылки возникновения вопроса об эвризисии

Как известно, словарный состав языка постоянно развивается, отражая изменения во внеязыковой действительности, «иногда одни понятия и средства выражения заменяются другими в силу исторических сдвигов, приобретают новые качества, отражая переход от конкретного первобытного мышления к абстрактному, предполагающему наличие строгой логической последовательности и точности выражения» [31, с. 6]. Предпосылки возникновения вопроса о широкозначности возникают в философии. На протяжении всей истории философии мыслители пытались решить этот вопрос и установить роль обобщающей абстракции. Аристотель первым изучал связи между обобщающими и обобщаемыми понятиями. Он выдвинул положение о том, что общее существует в неразрывной связи с единичным, являясь его формой [6]. Многие философы рассматривали проблему природы универсалий, или общих понятий. Так, Пьер Абеляр определил универсалию как «слово, которое в силу своей способности легко оказывается о множестве единичностей, как, например, имя «человек» оказывается с особенностями именами людей – по природе субъект-вещей, к которым оно прикладывается». Он отмечает, что универсалиями могут быть не только существительные, но и глаголы. В качестве примера универсалий он приводит существительное «человек» и глагол «быть».

Дальнейшее развитие этот вопрос получил в работах Д. Локка, который пришёл к выводу, что с помощью обобщающей абстракции происходит процесс ускорения познания и передачи знания, поскольку она даёт возможность рассматривать вещи как бы компактными связками. Д. Локк говорит, что в большинстве своём слова носят общий характер, а наибольшая часть слов, составляющих все языки, – общие термины, что является результатом не небрежности, а здравого смысла. Философ отмечает, что каждая отдельная вещь не может иметь своё название. «Между тем образовать и удержать в памяти отличные друг от друга идеи всех отдельных вещей, с которыми мы сталкиваемся, – это выше человеческих сил: каждая птица и каждое животное, увиденное человеком, каждое дерево и растение, оказавшие воздействие на наши чувства, не могут найти место в самом обширном уме» [49, с. 408-409]. То есть, ещё в 19 веке учёные пришли к мысли, что сознание человека стремится к экономии и организует информацию посредством абстракции. Эта способность человека является главной для развития и функционирования языка, так как она позволяет охватить все предметы и явления действительности. Как справедливо заметил И.К. Архипов, «хранить исходную, мотивирующую информацию в обобщённом виде выгоднее, так как она в состоянии, по необходимости, покрыть больше реальных и возможных «точных» частных понятий, но не наоборот [10, с. 82].

В лингвистике источником широкозначности принято считать растущее абстрагирование, отвлечение от конкретных свойств первичных денотатов, в связи с которым происходит расширение объёма значения. При этом одни слова с течением времени стали использоваться во множестве различных значений, произошло распадение на множество отдельных денотатов, что является характерной чертой полисемии. Другие слова приобрели чрезвычайно широкую сочетаемость, и стали называться широкозначными [22; 44].

5. Соотношение эврисемии и полисемии

Во второй половине двадцатого века в отечественном языкоznании часто обсуждался вопрос о широкозначности, источнике её развития и месте в лексико-семантической системе языка, а также об употреблении данных слов в разных

языках, и в многочисленных лингвистических работах представлены самые разнообразные точки зрения, вплоть до отрицания широкой семантики. Относительно семантической структуры широкозначных слов высказываются различные, иногда взаимно противоположные мнения. Некоторые исследователи связывают широкозначность с однозначностью. Другие исследования, наоборот, представляют слова широкой семантики как полисемантические лексические единицы, причём широкозначность проявляется на уровне лексико-семантических вариантов данных слов. Например, по утверждению Е.М. Диановой, широких значений «в чистом виде» не существует, они входят как отдельные лексико-семантические варианты в семантическую структуру слова [28, с. 10]. Таким образом, к настоящему моменту нет чётких критериев для разграничения многозначности и широкозначности. Зачастую многозначные слова принимают за широкозначные и наоборот. Кроме того, в лингвистической литературе не встречается формулировка широкого значения глаголов, и судя по словарной статье любого словаря, они многозначны. Проблема широкозначности в работах отечественных лингвистов впервые была затронута В.Н. Ярцевой в исследовании связочных глаголов английского языка [78]. Дальнейшее развитие данная тема получила в работе, посвящённой английским широкозначным глаголам движения [63]. Были исследованы широкозначные глаголы *come, get* [48;]; *do* [16]; *have, give, take, make* [2; 22]; *be* [34]; *get, keep, have, be* [51]; широкозначные существительные *thing, matter, people* [8]; *thing, body, ground, person, fact* [66]; *way* [25]; *affair, case, matter* [26]; *man, person* и другие [17; 59]; *sort, kind, type, example, pattern; boy, girl, woman, baby* и другие [19].

Во французском языке исследования широкозначности проводились В.Г. Гаком [23], А.Л. Ленца [145-146], Л.Е. Колесниковой [34]; в немецком языке – В.Д. Девкиным, С.А. Красногирёвой, В.И. Кудиновой, а в русском – Ю.Н. Карапловым. Исследования широкозначности проводились в диахроническом аспекте Н.В. Феоктистовой, Е.Д. Мариновой, И.В. Шапошниковой, Е.Л. Соболевой. Л.В. Барсук проводит психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов [18].

В.К. Колобаев отмечает, что в зарубежной лингвистике широкозначные существительные рассматриваются в общем разделе абстрактных существительных и в отдельную группу не выделяются [39, с. 4]. Встречаются разные термины для обозначения широкозначных слов: «слова широкой семантики», «слова с широким значением», «слова с широкой понятийной основой», «номинация широкого семантического охвата», «диффузы», «слова-губки». Для обозначения широкозначности применяются термины «эврисемия» [57–59], «платеосемия» [1].

Основной фундамент для дальнейшего развития и изучения явления широкозначности в английском языке заложила Н.Н. Амосова, поэтому необходимо более подробно остановиться на её точке зрения. Н.Н. Амосова дала определение широкому значению, и её идеи послужили основой для последующих трудов многих лингвистов. Разграничивая широкозначность и многозначность, она пишет, что в семантической структуре изолированного многозначного слова сосуществуют различные значения [3, с. 114].

Стоит отметить, что вне контекста слово находится либо в памяти человека, либо в словаре, то есть речь идёт о рассмотрении слова на уровне языка. Эта проблема представляет сугубо лингвистический интерес, поскольку обычный носитель языка никогда не задумывается, какое из значений многозначного слова актуализируется при его использовании в речи. Н.Н. Амосова отмечает далее, что при употреблении многозначного слова в речи все эти значения, кроме одного, исключаются и не действуют. Широкое же значение в контексте только конкретизируется, но не изменяется и не исчезает и остаётся основой любого своего суженного варианта, или подзначения. В данной формулировке можно заметить некоторое противоречие: во-первых, если широкое значение конкретизируется, то оно уже изменяется. Во-вторых, если оно стало конкретным, то его главное качество (широта) утрачивается. В-третьих, то наблюдение, что в основе всех лексико-семантических вариантов лежит одно значение, относится скорее к многозначному слову, лексико-семантические варианты которого всегда мотивированы каким-то значением. Н.Н. Амосова определила широкое значение как

«значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи».

Данное определение уже не раз подвергалось в исследованиях критике. Так, С.Н. Димова пишет, что оно «оставляет нераскрытым специфику широкого значения как *особого типа* лексических значений» [28, с. 8]. Б.Д. Джоламанова также считает, что оно не обеспечивает ограничения широкозначности от смежных с ней явлений абстрактности, конкретности, многозначности, поскольку «каждое слово уже обобщает», неизбежно сужаясь, конкретизируясь в речи и делая тем самым коммуникацию возможной [26, с. 6].

По мнению Н.Н. Амосовой, в английском языке широким значением обладают глаголы *have*, *give*, *take*, *make* и некоторые другие. Она попыталась сформулировать широкое значение этих глаголов, но пришла к выводу, что это сделать трудно, так как определение получается громоздким и расплывчатым.

Так, глагол *have* «несёт в себе идею того состояния субъекта или того отношения его к объекту, какое возникает в результате присвоения данного объекта субъектом или его осуществления (при пассивности или неподчёркиваемой активности субъекта)» [3, с. 115–116]. Присвоение обычно возникает в результате приобретения за деньги (*// have a car / a house*). Не совсем ясно, что имеется в виду под «осуществлением объекта»; возможно, это объясняется как некий процесс (*I have a lesson / a break*). Но не в каждом контексте глагол *have* реализует именно эти значения. Так, в контекстах: *I have a family; The table has four legs* – нельзя проследить ни значения присвоения и обладания за деньги, ни процессуальности. Таким образом, сформулированное Н.Н. Амосовой значение, видимо, применимо не ко всем контекстам. Необходимо отметить, что речь в рассуждениях Н.Н. Амосовой идёт об изолированном положении слова как об экспериментальном, реально в речи не существующем явлении. Возможно, это значение не проявляется в речи, но существует в сознании человека, в системе языка, которая, состоит из единиц в парадигматических связях. То же самое пишет Л.И. Зильберман: изолированное слово как словарная единица принадлежит

языку, в то время как слово в контексте, во взаимосвязи с сочетающимися с ним другими словами, относится к сфере речи [34, с. 99]. Лингвисты, которые впоследствии занимались вопросом широкозначных слов, в основном строили свои теории на основе взглядов Н.Н. Амосовой. Так, В.М. Соколова дала следующее определение широкому значению: «значение, которое содержит максимальную степень абстракции, выражает обобщённое понятие и при употреблении данного слова в речи конкретизируется в лексических вариантах». Отдельные реализации инвариантного широкого значения представляют собой его лексические варианты, которые относятся к широкому значению как часть к целому, отдельное к общему [69, с. 25]. Но в данном определении речь идёт скорее о многозначности, и, таким образом, оно не выявляет разницы между двумя явлениями.

Широкозначные глаголы *be, do, get, have, keep, make* и другие в силу «бесконечно» большого количества денотатов семантически совместимых со значением глагола категорий предметных имён, называются иногда глаголами с повышенной переходностью [74, с. 144]. Дело в том, считает А.А. Уфимцева, что у глагольных лексем, выражающих своим значением слишком обобщённые признаки, понятие отношения, действия или состояния, сигнификативные признаки содержательно слишком общи, и потому семантически недостаточны для идентификации подобных глаголов. По её замечанию, в данном случае «язык распорядился восполнить абстрактные, отчуждённые признаки, выражаемые глаголами, семантикой предметных имён, выступающих в роли актантов» [74, с. 138]. Но какие именно это признаки, исследователь не говорит, видимо, потому что в лингвистике того периода изучалась прежде всего синтаксическая и семантическая сочетаемость глаголов, т.е. речевые реализации их значений. Поскольку исследование явления многозначности предшествовало изучению широкозначности, часто для объяснения последнего его соотносят с полисемией.

Под многозначностью принято понимать «наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова»

[15, с. 335]. В семантической структуре многозначного слова в качестве основной единицы выступает лексико-семантический вариант, который соотносится со всеми остальными значениями многозначного слова. Один лексико-семантический вариант может быть связан с другим на основе одних общих признаков, с третьим – на основе других общих признаков.

Следовательно, у многозначного слова существует несколько значений, между которыми существуют иерархические отношения. Как отмечает А.А. Авдеев, в лингвистике обозначились два направления в исследовании проблемы соотношения широкозначности и полисемии. Представители первого направления (В.М. Соколова, А.А. Уфимцева, Н.С. Димова, О.Н. Судакова, А.М. Аралов) исследуют широкозначность как явление, неразрывно связанное с полисемией и сосуществующее с ней в рамках одной языковой единицы. Представители второго направления рассматривают широкозначность как особую лексико-семантическую категорию, объединяющую специфическую группу слов [1, с. 10].

Чтобы разобраться, что представляет собой широкое значение, необходимо подробнее рассмотреть обе точки зрения. В.М. Соколова, Н.С. Димова, И.С. Лотова, трактуют широкозначность и многозначность как «корреляцию» широкозначных и узких лексико-семантических вариантов в семантической структуре многозначной языковой единицы. Например, С.Н. Димова, изучая английское многозначное слово *way*, приходит к выводу, что в его семантической структуре широкие значения сосуществуют с неширокими.

Таким образом, широкозначность сопутствует многозначности, перекреивается с ней. Так, семантическая структура существительного *way* состоит из восьми лексико-семантических вариантов, но широкими значениями обладают только два из них: «*track of any kind*» и «*manner of any kind of action*», поскольку именно они варьируются в речевых условиях, то есть могут относиться к «большому числу явлений объективной действительности». Контекст в виде определения, препозитивного или постпозитивного, конкретизирует действие или признак, выражаемые существительным *way*, например: *I like the way you really looked at those pictures; That was Sybil's way of agreeing and disagreeing at the same*

time; It was not the right way to be going to Warren [25, с. 7–8, 10]. Судя по данным примерам, контекст всего лишь сигнализирует, что слово *way* употреблено в каждом из них в значении «*manner of any kind of action*», а не в значении «*track of any kind*».

Таким образом, остаётся не совсем ясным, какие основания есть у автора считать эти значения широкими. Считая, что широкое значение неоднородно, С.Н. Димова выделяет два типа широкого значения. В основе первого лежит родовое понятие. Этот тип широкого значения можно назвать обобщённо-родовым, а слово – его носитель – обобщающим именем. К обобщающим словам относятся «дерево», «человек», «животное»; «tree», «man», «animal» и др. Второй тип можно назвать обобщённо-категориальным, или категориально широким. В качестве его понятийного компонента выступает понятие-категория, содержание которого составляет наиболее общее свойство, присущее большому числу явлений объективной действительности. Категориально- широким можно назвать значения следующих слов: «дело», «способ», «вещь», «начинать», «делать»; «thing», «way», «do», «make», «get» и т.д. Вслед за ней выделяет два типа широкозначных слов и Н.В. Феоктистова. В словах обобщённо-родового типа она видит проявление низкой ступени лексической абстракции, а в словах обобщённо-категориального типа – проявление самой высокой ступени лексической абстракции [67, с. 21–22].

Значения разных типов иногда выделяют даже в пределах семантической структуры одного слова: С.Н. Димова считает выше упомянутое широкое значение существительного *way* «*track of any kind*» обобщённо-родовым, а значение «*manner of any kind of action*» обобщённо- категориальным [24, с. 9–10]. В практическом плане, однако, данное разделение ничего не даёт, потому что все слова (кроме однозначных) можно разделить на два типа и считать их широкозначными.

Относительно того, как широкое значение работает в речи, С.Н. Димова сходится во мнении с предшественниками: само широкое значение является инва-

риантом, а в речи широкозначное слово «как бы наполняется конкретным смыслом в силу соотнесения с единичным денотатом». Данное конкретное значение есть семантический вариант широкого значения. Благодаря своей потенциально широкой денотации широкое значение может реализоваться в большом числе семантических вариантов [28, с. 11].

Б.Д. Джоламанова, А.М. Аралов [5; 26] проводили свои исследования в этом же ключе. Они полагают, что широкозначность является базисом для развития полисемии, а обе языковые категории должны рассматриваться как соотношение широкой понятийной основы с узкоспециальными значениями. Вслед за С.Н. Димовой, Б.Д. Джоламанова представляет многозначное имя существительное как некое целое, состоящее из определённого количества ЛСВ, в то время как широкое значение присуще тому или иному лексико-семантическому варианту [26, с. 7].

С другой стороны, многие лингвисты склонны считать многозначность и широкозначность двумя принципиально разными явлениями. М.А. Боровик полагает, что отличие глаголов широкого значения от многозначных заключается в смысловом соотношении их значений. Многозначный глагол включает в себя несколько различных значений, отражающих различные действия, а глагол широкого значения выступает как однозначный глагол, выражающий в своём широком значении единое, предельно обобщённое понятие действия. Значение глагола широкой семантики конкретизируется в контексте и проявляется в виде различных подзначений. Подзначение является частным значением по отношению к обобщённому широкому значению и входит в него как более узкое по объёму значение [16, с. 18].

Несмотря на то, что М.А. Боровик считает глагол широкого значения *однозначным*, она видит в его речевых реализациях *конкретизацию* этого одного значения и, соответственно, его изменение, превращение в вариант, то есть, снова речь идёт о полисемии. Автор изучала широкозначный глагол *го*, но проблема его широкого значения осталась нерешённой, поскольку в итоге подробного изу-

чения лексико-грамматических вариантов глагола, то обобщённое значение действия, о котором она говорила, не было сформулировано. Причину подобного положения дел Л.Я. Гросул видит в том, что лексикографическая практика ещё не разработала особой методики описания широкой семантики слова и неправомерно трактует широкозначные слова как многозначные [22, с. 2]. Интересно отметить, что с тех пор как это было написано, прошло тридцать лет, и за это время в лингвистической науке была создана методика описания семантического ядра многозначного слова. Но что касается слов широкой семантики, такой методики ещё не существует. Действительно, как отмечает С.А. Песина, анализ семантики широкозначных слов требует особого алгоритма, отличного от исследования многозначных слов [55, с. 82]. В.К. Колобаев видит главное отличие полисемии от широкозначности в том, что «многозначное слово обозначает два или несколько различных понятий; слово с широким значением всегда обозначает одно понятие, которое является настолько широким, что охватывает ряд понятий» [40, с. 11]. Он так же, как и все предшественники считает, что при функционировании широкозначного слова в речи его значения конкретизируются. «Слова широкой семантики, – пишет он, – взятые вне текста, могут обозначать безграничное множество предметов и явлений окружающего мира. Однако в изолированном виде слова практически не встречаются. Контекст снимает любую возможность неправильного денотативного соотнесения слова, ведёт к его конкретизации» [40, с. 10–11]. Из данных рассуждений, однако, не понятно, сколько понятий всё-таки стоит за широкозначным словом: одно широкое понятие, ряд понятий или безграничное множество понятий. Даже когда автор приводит пример того, как слово широкой семантики может обозначать два разных понятия (*One of the oddest things in life is the way that when you have heard a thing mentioned, within twenty-four hours you nearly always come across it again* [40, с. 9]), не понятно, какие именно значения выражаются существительным *thing* в данных контекстах. В его диссертационной работе впервые представлено подробное описание особенностей, присущих словам широкой семантики.

Так, В.К. Колобаев выделяет следующие признаки широкозначных слов: 1) синкремизм, 2) полиденотативность, 3) синсемантизм, 4) десемантизация, 5) полифункциональность, 6) необходимость широкого контекста для конкретизации значений этих слов.

Ниже приводится объяснение его терминологии.

Под синкремизмом слова широкой семантики подразумевается неразложимость значения слова широкой семантики на составляющие, недифференцированность значения такой лексической единицы. В значении любого слова находится отражение целый ряд дифференциальных семантических признаков, по которым выявляется денотативное значение слова; чем больше таких признаков, тем легче выявить денотат. Исследователь поясняет, что в значении слова широкой семантики представлен только один признак, который указывает на принадлежность к какой-либо категории. Поэтому разложить значение широкозначного существительного на составляющие его дифференциальные семантические признаки невозможно [39–40]. Непонятно, почему автор приходит к такому выводу, ведь всем предшественникам удавалось это сделать, а именно: разложить значения на составляющие (подзначения) или на семантические варианты.

Второй признак слов широкой семантики – полиденотативность, то есть способность слова широкой семантики обозначать большое количество неоднородных предметов и явлений, уже отмечался многими лингвистами. Поскольку в основе значения широкозначной лексической единицы лежит признак, указывающий на категорию предметов или явлений, то всё, что может быть отнесено к этой категории, оказывается семантически совместимым со значением такого слова. Количество денотатов у подобного существительного практически неограниченно. Конкретное денотативное значение слова широкой семантики может быть выявлено только в речи [40, с. 4].

Третий признак слов широкой семантики – синсемантизм, то есть отсутствие определённого денотата у слова широкой семантики, взятого отдельно, вне контекста. Для конкретизации слов широкой семантики часто недостаточным является наличие одного слова, а иногда даже и целой фразы. В некоторых случаях

для того, чтобы понять слова широкой семантики, нужно знать содержание контекста всего произведения. В результате подобной» сочетаемости широкозначное существительное либо присоединяет к своему единственному признаку признаки других слов, либо, что бывает чаще, передаёт свой признак рядом стоящему слову и таким образом придаёт ему новое качество, при этом само оно теряет своё лексическое значение, десемантизируется [41, с. 5]. Но как происходит процесс передачи признаков стоящим рядом словам, автор не описывает, поэтому сам механизм утраты лексического значения остаётся неясным и сомнительным. Десемантизация – четвёртая особенность широкозначных существительных. Это частичная или полная потеря словом широкой семантики своего лексического значения и превращение в строевой элемент, выполняющий грамматическую функцию. При частичной десемантизации значение слова широкой семантики сводится к простой указательности.

При полной десемантизации слово широкой семантики переходит в разряд грамматических средств языка, приближаясь к формальным грамматическим и морфологическим показателям, становится полифункциональным [40, с. 5].

Полифункциональность составляет пятый признак слов, относящихся к разряду широкозначных. Это возможность слов широкой семантики выступать как в лексической, так и грамматической функции. Считается, что ослабление лексического значения или его полная потеря приводят к тому, что слово переходит из разряда лексических средств в разряд грамматических [там же]. Нетрудно заметить, что последние три признака – синсемантизм, десемантизация и полифункциональность являются разными сторонами одного и того же явления. В.Я. Плоткин указывает на то, что широкозначность не тождественна широкому понятийному охвату и потому не сводится к максимальному абстрагированию, которое обнаруживается в любом языке [59, с. 190–206]. В качестве примеров приводятся русские слова «делать», «совершать», «существовать», «предмет», «явление», «вещь», абстрактность семантики которых не делает их широкозначными. Широкозначность существенно отличается от многозначности тем, что

полисемия складывается путём метафорических или метонимических переносов, а семантическая структура многозначного слова состоит из отдельных, часто не связанных друг с другом значений; ей не свойственна внутренняя целостность. В конкретных употреблениях широкозначного слова устраняются все его значения, кроме одного актуализированного; а широкозначность речевых употреблений конкретизируется, но не теряет своей инвариантной природы.

В.Я. Плоткин отмечает, что различие между широкозначным и многозначным словом заключается в том, что широкозначное слово обладает инвариантным значением и не расщепляется на отдельные фрагменты [59; 51]. Как же, по мнению автора, функционирует инвариантное значение? С одной стороны, оно конкретизируется в речи, но с другой сохраняет свою целостность. Позиция автора остаётся неясной, т.к. инвариант в речевых контекстах всегда «расщепляется» в актуальные значения. В русле традиционного описания соотношения многозначности и широкозначности представлено исследование Р.С. Кимовым и С.Х. Битоковой. Все значения в семантической структуре широкозначных слов они считают равноправными, самодостаточными, независимыми друг от друга. В известной степени они не имеют между собой никакой связи, общности, и более того, они порой взаимоисключаемы. Р.С. Кимов и С.Х. Битокова полагают, что у широкозначных слов невозможно выделить какой-либо дискретный пучок признаков абстрактного характера, объединяющего все лексико-семантические варианты лексемы. Это происходит потому, что между значениями широкозначного слова не существует «ни отношения семантической производности, ни соподчинения, ибо все они равноправны и базируются на одной понятийной основе, на одном семантическом континууме, который при каждом семиотическом акте, осуществляющемся с участием широкозначных слов, членится по-разному» [37, с. 13]. Подобные имена имеют очень широкую сферу употребления, наименее наполнены конкретным содержанием и наименее информативны. Так, существительное *thing* трактуется авторами как «whatever is or may be the object of thought». В таком случае, констатируют авторы, лексема *thing* не имеет чёткой

референтной отнесённости, некой точки опоры, которая позволила бы имплицировать применение данного имени в пространстве, а от некоторой аморфности понятийной основы при каждом семиотическом акте, в который вовлекается существительное *thing*, отсекается свой «кусочек» [37, с. 9–11]. С.А. Песина считает сомнительным данное высказывание уже потому, что «отсечение кусочков» противоречит теории инвариантной организации значений и когнитивной семантики в целом. К содержательному ядру полисеманта сознание обращается при осмыслении семантической общности значений слова и при актуализации контекстного значения в условиях коммуникативного цейтнота. Верно то, что слова, характеризующиеся широкой понятийной основой, такие как *thing* характеризуются небольшой зоной константности и широкой зоной вариативности [55, с. 84].

Ещё одно направление в изучении слов широкой семантики (существительных) заключается в представлении их как лексических единиц особого слоя, являющегося промежуточным между знаменательными частями речи и собственно местоимениями. О.Н. Судакова вслед за М.Я. Блохом считает, что своеобразная семантическая природа этих слов определяет их особую роль в строении предложения, соотносительную с ролью местоимения. В своём диссертационном исследовании она определила, что важнейшей функцией широкозначных существительных является функция замещения, а наивысшим заместительным потенциалом обладает слово *thing* [72, с. 13]. Е.Д. Маринова определяет широкое значение как «прямое значение, содержащее максимальную степень абстракции, отвлечения, выражающее единое обобщённое понятие, которое получает внешнюю конкретизацию через контекст или речевую ситуацию». Такие отдельные реализации инвариантного широкого значения представляют собой его конкретизированные варианты [50, с. 67]. То есть, снова указываются свойства, характерные для полисемии. В её диссертационном исследовании сделана попытка представить критерии разграничения многозначности и широкозначности: По В.Г. Гаку, широкозначное слово обозначает лишь одно понятие, но достаточно широкое, включающее в себя целый ряд понятий, которые при переводе на другой язык могут

быть переведены разными словами. Многозначное слово обозначает два или несколько понятий. Это положение перекликается с позицией В.К. Колобаева, но в данном случае объясняется через перевод. Это представляется неправильным, так как перевод не даёт возможность проникнуть в суть языка. Семантическая структура широкозначного слова характеризуется целостностью, в то время как семантическая структура многозначного слова характеризуется фрагментарностью. Автор отмечает, что широкозначные слова характеризуются сохранением всех возникающих в процессе эволюции слова оттенков его значения (конкретизированных вариантов) [52, с. 68].

Остаётся, однако, непонятным, каким образом при наличии большого количества лексико-семантических вариантов широкозначное слово сохраняет свою целостность. Источником многозначности принято считать метафорические и метонимические деривации от первичного значения широкозначности присущ прямой способ номинации. В основе слова широкой семантики лежит максимально обобщённый и абстрактный признак. Принято считать, что значение широкозначного слова и значение многозначного слова, характеризуются вариативностью. Но лексико-семантический вариант имеет определённое и самостоятельное сигнификативное и денотативное значение и является самостоятельной языковой единицей. Значение же слова широкой семантики отличается своей инвариантностью. Поскольку оно несёт в себе абстрактность, появляется необходимость конкретизации данной лексической единицы с помощью контекста и речевой ситуации. Данный актуализированный вариант соотносится с инвариантом как часть с целым.

Пути развития слова широкой семантики и многозначного слова различны. Многозначные слова развиваются по пути от конкретного к общему. Путь развития слов широкой семантики – от общего к конкретному.

Автор проводит различие между лексико-семантическим вариантом многозначного слова и контекстными вариантами широкозначного слова, считая последние не отдельными лексическими значениями, а частями одного целого значения. Но, несмотря на то, что все исследователи считают актуализированные в,

речи варианты широкозначных слов их лексико-семантических вариантов, Е.Д. Маринова не объясняет, почему она имеет иное мнение. Согласно точке зрения М.В. Никитина, широкозначность – особый вид многозначности, когда у слова развивается неограниченное количество значений и слово в широком употреблении утрачивает качество «самодостаточной номинативной единицы», т.е. десемантизируется. Автор использует параллельно с термином широкозначность термин эврисемия (от греч. «широкий»), предложенный В.Я. Плоткиным и Л.Я. Гросул, и отмечает, что явление эврисемии характерно для слов с ненормативно большим числом значений (в отличие от полисемии, когда число значений не такое чрезмерно большое). Под широкозначностью понимается «более широкое качество связи между десигнатором (формой слова) и десигнатом (содержанием, значением слова), обеспечивающее нестеснённую широту семантического варьирования» [59, с. 102]. Но автор не поясняет, каким образом это «ненормативно большое число значений» работает в речи, как человек понимает, в каком значении слово употребляется каждый раз, и чем широта семантического варьирования может быть стеснена в случае многозначности. Можно сделать вывод, что М.В. Никитин рассматривает широкозначность как некую неопределённую многозначность. Таким же образом широкозначные слова представлены в словарях, которые дают разное количество значений широкозначных слов. Их семантическая структура иногда настолько велика, что непонятно, как человек может запомнить такое большое количество значений. Анализ лингвистической литературы показал, что в группу широкозначных глаголов включаются многие английские глаголы (*be, come, do, get, give, have, keep, make, take* и др.), а некоторые исследователи приписывают свойство широкозначности даже таким многозначным глаголам, как *build, concern, create, define, deliver, develop, employ, include, involve, perform, provide, supply* [53]. Это происходит вследствие того, что само понятие широкозначности нечётко и размыто, и соответственно, нет чётких критериев для определения слов широкой семантики. Возможно, многие из этих глаголов и не являются широкозначными.

Поскольку точка зрения сторонников наличия широких значений в семантической структуре многозначных слов не выдерживает критики, более убедительным представляется мнение, что многозначность и широкозначность являются не двумя сторонами одного лексического явления, а принципиально разными явлениями. Широкая семантика, очевидно, присуща только отдельным словам. В то же время все без исключения исследователи противоречат сами себе в том, что, считая широкозначность явлением, отличным от многозначности, они убеждены, что широкое значение конкретизируется в речи. А именно это свойство является общим для них. В таком случае неправомерно утверждать, что это принципиально разные явления, если главный критерий – способ функционирования в речи – совпадает. Если всё-таки исходить из того, что это абсолютно разные явления, необходимо выяснить, каким образом широкозначные слова «работают» в окружении контекста, если широкое значение предельно обобщено и неразложимо на дифференциальные признаки, по словам В.К. Колобаева.

Недостаток всех существующих теорий заключается в следующем: несмотря на твёрдое убеждение, что в основе каждого широкозначного слова лежит инвариантное значение, никто не формулирует это значение. Причина всегда одна – чрезвычайная абстрактность и обобщённость инварианта, не позволяющая чётко выразить его словами. Видимо, это убеждение идёт ещё от Н.Н. Амосовой, которая попыталась сформулировать широкое значение некоторых глаголов, но пришла к выводу, что сделать это крайне трудно. Очевидно, существующие методы описания значений не позволяют этого сделать. Значение широкозначных глаголов рассматривают, как правило, неразрывно со значением сочетающихся с ними слов, поскольку считается, что сами по себе глаголы не несут практически никакого значения. Поэтому большинство исследователей занимались только тем, что описывали сочетаемость широкозначных слов или изучали способы их перевода. Ни тот, ни другой способ не позволяет определить само значение.

6. Десемантизация широкозначных глаголов

С вопросом широкозначности тесно связан вопрос десемантизации лексических единиц в аналитических формах и глагола-связки в составе именного склоняемого. Термин «аналитическая форма» вместе с понятием аналитического строя языка был выдвинут в лингвистике по отношению к индоевропейским языкам такого типа как английский, французский, датский и др. в связи с развитием сравнительного языкознания.

Многие лингвисты, такие как Г. Керм, О. Есперсен, А.М. Пешковский, В.М. Жирмунский, В.Н. Ярцева, В.Г. Гак, указывают на «грамматикализацию» глаголов, входящих в состав аналитических форм глагола. Это исторический процесс, при котором лексическое значение «трансформируется» в грамматическое, и сочетаемость слова расширяется. Утверждение, что вспомогательные глаголы в составе всех аналитических форм теряют своё лексическое значение и выражают только грамматические показатели числа, лица или времени, считается в грамматике общепризнанным фактом. Однако то, как этот процесс происходил, сам механизм трансформации одного вида значения в другое, исследователей не интересовал, и поэтому никем описан не был. Система аналитических средств современного английского языка складывается исторически, и периодом интенсивной перестройки флективного строя в аналитический В.Н. Ярцева считает XII – XIV вв. [79].

С течением времени отдельные синтетические формы глагола заменялись аналитическими формами. Кроме того, создавались формы для таких глагольных значений, которые не имели раньше парадигматического выражения в древнеанглийском языке (например, будущее время глагола). Сложные глагольные времена вышли из глагольных словосочетаний, от которых они отличаются только устойчивостью грамматической структуры, унификацией связочного глагола (ставшего вспомогательным) и грамматико-семантической неделимостью. Под устойчивостью грамматической структуры автор понимает следующее: если словосочетания *to keep silence, to keep silent, to keep on working, to keep thinking* в равной мере выражают длительность процесса, несмотря на различие их состав-

ных членов, – точно так же, как и различие в связочном глаголе может не вызывать изменения» основного смысла словосочетания (можно сказать *to keep working, to continue working, to go on working*), – то в сложное глагольное время данного значения может входить только один тип предикативного члена, превратившегося в часть аналитической формы, и употребляться один вспомогательный глагол. Так, «длительные времена» образуются только с глаголом *be*, соединяемым только с причастием I (*he is working*).

И.К. Архипов отмечает несостоятельность данного подхода. *Во-первых*, если глаголы передают только грамматическое значение, это означает, что все глаголы, использующиеся в подобных сочетаниях, синонимичны и могут быть взаимозаменямы, но это не так. *Во-вторых*, невозможно объяснить столь длительное сосуществование глаголов-синонимов, в истории английского языка [10, с. 78]. Необходимо отметить, что сочетание вспомогательного глагола с причастием II для древнеанглийской эпохи не являлось перфектом, а представляло собой составное сказуемое. В.Н. Ярцева приводит следующие доказательства: причастие в этом сочетании обязательно склонялось; причастие непереходных глаголов сочеталось как с глаголом бытия, так и с глаголом *weorpan*; параллельно тождественно употреблялись с глаголом *wesan* причастия переходных, непереходных глаголов и прилагательные [79, с. 122]. В связи с этим возникает вопрос: когда и при каких обстоятельствах глагол теряет своё лексическое значение? Такому значительному семантическому изменению должны быть причины. Автор считает, что уже в древнеанглийском языке происходит преобразование конструкции в сложноглагольную форму, т.к. сочетание глагола «иметь» с причастием II можно встретить не только при выраженном прямом дополнении, но и при дополнительном предложении. Если возможность поставить любое дополнение, а не только объект конкретного обладания при глаголе «иметь» может служить показателем его грамматизации и превращения в связочный глагол, то тем более наличие придаточного предложения в виде дополнения доказывает развитие перфекта как единой грамматической формы. Предикативная сторона значения причастия усилилась при его вхождении в сложноглагольную форму, и

всё сочетание в целом начало выражать уже не состояние, а действие. Как можно заметить, все доказательства превращения глагола в связочный выводятся только посредством изучения *структуры предложения*, без обращения к *значениям компонентов*.

Некоторые учёные, учитывая именно значение глаголов, сделали попытку взглянуть на аналитические конструкции с другой стороны. Так, Дж. Лайонз отмечает, что посессивные конструкции с глаголом *have* (*John has a book*) диахронически связаны с префектом (*John has read a book*) посредством принципа, который выводил «субъекта, заинтересованного в положении дел» на место подлежащего в поверхностной структуре предложения. Э. Бенвенист усматривает в этой форме перфекта соединение понятий состояния и обладания, отнесённых к действующему лицу. В перфекте действующее лицо предстаёт как «обладатель осуществлённого действия» [15, с. 210]. Таким образом, высказывание типа *I have done it* следует понимать как «я имею это сделанным» (мной самим), в противопоставлении *I have it done* «мне делают это» (я имею это сделанным кем-то) [46 с. 62]. Причины изменения значения вспомогательных глаголов лингвисты объясняют следующим образом. Процесс перехода модального составного скажемого в аналитическую форму глагола, передающую будущее действие сопровождал семантический сдвиг: от модального (субъективного) способа выражения будущего к созданию формы передачи объективного будущего. Модальный глагол подвергается лексическому опустошению и начинает специализироваться на передаче грамматического значения объективного будущего.

Параллельно с процессом утраты собственного лексического значения происходит и процесс утраты им самостоятельного синтаксического статуса: из равноправного члена словосочетания «модальный глагол + инфинитив» он превращается во вспомогательный глагол – часть морфологической глагольной формы. Происходит утрата синтаксических связей между бывшим модальным глаголом и инфинитивом. Известно, что утрата синтаксических связей; была вызвана утратой окончаний, что, в свою очередь, было вызвано не морфологией (грамматикой) и» не семантикой; а фонетическими механизмами. Поэтому этот

факт не является: доказательством утраты глаголом самостоятельного синтаксического статуса. Считается, что у остальных вспомогательных глаголов (таких, как *beon*, *habban*) механизм утраты лексического значения происходит по аналогии; но никто не пишет о *причинах* произошедшего «сдвига». Как правило, выделяются следующие показатели грамматизации сочетания «иметь + причастие II»: унификация глагола в личной форме, то есть устранение колебания между двумя и большим числом глаголов, употреблявшихся в данной функции; устранение согласования в именной форме; закрепление за данным сочетанием определённого словорасположения; возможность образования аналогичного сочетания с именной формой любого глагола; превращение лексического» значения в грамматическое [63, с. 86].

Основной причиной десемантизации, таким образом, считают стабильность синтагматического закрепления слова, то есть его использования в таком синтагматическом окружении, которое не было присуще данному слову в его полнозначном статусе. Именно это даёт возможность лексеме ослаблять привычное значение, которое должно отвечать условию – быть в большей степени абстрактным, чем основная часть лексем данного класса. Это снова доказывает, что исследователи искали причины в структуре предложения, не обращая внимания на семантику.

Подавляющее большинство современных лингвистов не ставят под сомнение факт, что семантика широкозначных слов настолько широка, что в служебной функции она утрачивается и остаётся только грамматическое значение слова. Тем не менее, в лингвистике последних десятилетий наметились два направления в рассмотрении значения вспомогательных глаголов. Одни исследователи продолжают настаивать на десемантизации [56; 63; 52]; другие не согласны с полной утратой значения [22; 7; 27], но доказательства в пользу последней точки зрения пока сформулированы не были. Что касается составного именного сказуемого, то в большинстве грамматик можно встретить утверждение, что

глагол-связка является лишь связующим звеном между подлежащим и предикативным членом, и последний и выполняет реальную функцию «предицирования».

Так, О. Есперсен считал, что некоторые глаголы в соединении с предикативным членом имеют тенденцию терять своё полное значение и приближаться к функции пустой связки (an empty link) [30, с. 356]. Г. Керм отличает глаголы «полной предикации» от копул, которые чисто формальным образом выполняют функцию предикации и в полном смысле не предицируют; предикат может состоять из глагола неполной предикации в соединении с предикативным членом, где глагол чисто формальным образом принимает на себя функцию предикации, но реальным предикатом служит предикативный член, имя или прилагательное. Среди зарубежных лингвистов широко распространено мнение, что связка – это чисто грамматический элемент (*dummy verb*). Дж. Лайонз считает, что связка *be* «порождена» английской грамматикой для того, чтобы «нести» грамматические показатели времени и вида. Но, как известно, такая абстрактная сущность как грамматика, существующая только в сознании, ничего сама не порождает.

То же утверждение можно найти в русских грамматиках по отношению к составному сказуемому русского языка. Так, А.М. Пешковский считал, что глагольная связка есть глагол, не имеющий вещественного значения и соответствующий одной формальной стороне глагольного сказуемого [56, с. 220]. Хотя В.Н. Ярцева задаётся вопросом, где, каким образом и при каких обстоятельствах глагол-связка получил это формальное значение, чтобы иметь возможность выступать к роли связки [79, с. 66], сам механизм данного процесса нигде не описан, что позволяет усомниться, имел ли он место вообще. Л.С. Бархударов объясняет причину появления связочных глаголов следующим образом. Во многих неиндоевропейских языках в синтаксической функции сказуемого могут употребляться не только глаголы, но и слова других частей речи – существительные, прилагательные и пр. Когда эти слова употребляются в функции сказуемого, к их основам присоединяются грамматические показатели сказуемого – морфемы

лица, числа, времени и др. (в зависимости от конкретных особенностей строя каждого языка).

Но в индоевропейских языках сложилось положение, при котором эти морфемы могут присоединяться только к словам одной части речи – глаголам. Получается своеобразное противоречие: с одной стороны, сказуемое обязательно должно включать в себя глагол, с другой – возникает необходимость употреблять в функции сказуемого и другие части речи и группы слов, помимо глагола. «Выход» из этого противоречия найден в том, что возникает особое служебное слово – связочный глагол *be*, назначением которого является выражение показателей наклонения, времени и пр. при словах, которые сами по себе, без помощи такого служебного глагола этих показателей иметь не могут [13]. Невольно возникают вопросы, откуда появляется глагол-омоним, ведь глагол *be* существует в языке практически с момента его возникновения.

Доказательством того, что глагол-связка *be* является глаголом служебным, Л.С. Бархударов считает тот факт, что, подобно любому служебному и вспомогательному глаголу, *be* не включает в состав своих форм глагол *do* в структуре высказывания. Например, в предложениях *Does he go there? Yes, he does. He does not go there* глагол *go* знаменательный. А в предложениях *May he go there? Yes, he may. He may not go there* глагол *may* служебный, так как для образования отрицательной и вопросительной форм не требует глагола *do*. *Do you want to go? Yes, I do. I do not want to go (want – знаменательный) Has he gone there? Yes. he has. He has not gone there (has – служебный)*. Поэтому, по аналогии и в предложениях типа *Is he angry? Yes, he is. He is not angry* глагол *be* считается служебным. Иначе говоря, в случаях инверсии, отрицания и пр. сочетания типа *is angry, was there* и др. ведут себя так же, как и любые другие сочетания типа «служебный глагол + знаменательное слово» (в том числе и как аналитические формы глагола), но не так, как знаменательные глаголы (в том числе *become, remain, seem, etc.*) [13].

Иначе рассматривает немецкий глагол бытия *sein* Г.Т. Поленова. Она считает, что в пассиве состояния (*Die Tür ist geschlossen* – Дверь закрыта) и в перфекте (*Mein Bruder ist gekommen* ~ Мой брат пришел) он полностью утратил своё лексическое значение, а в составе именного составного сказуемого (*Hier ist mein Ausweis* – Вот мое удостоверение) он, как связка, сохраняет значение «быть, есть» [61, с. 156–159]. Очевидно, что в этих двух разных типах сказуемых за глаголом *sein* следуют разные части речи – причастия совершенного вида *geschlossen*, *gekommen* и существительное *Ausweis*, но у Г.Т. Поленовой нет объяснения, почему значение глагола *sein* разное. Например, непонятно, почему в предложении *Die Welt ist* (Мир существует) *sein* считается полнозначным глаголом, а в предложении *Die Tür ist geschlossen* (Дверь закрыта) *sein* входит в состав конструкции и становится частью аналитической формы, и почему когда причастие убирается или добавляется (например, **Die Tür ist, Die Welt ist untersucht*), грамматический и семантический статус глагола *sein* меняется.

Вместе с тем И.Ю. Колесов отмечает, что потеря значения вспомогательным глаголом не бывает полной, абсолютной, а лишь большей или меньшей, происходит его «семантическая инактивация». Например, английская связка *be*, по его мнению, демонстрирует этот процесс с наибольшей очевидностью, а модальные глаголы *will*, *would*, *shall*, *should* десемантизировались до статуса категориальных показателей времени и наклонения и всё же сохраняют определённую часть свое модальной семантики, которая и позволяет «регенирировать» их модальный статус, хотя и с модифицированным значением (как, например, значение предположения, антиципации, возникающее в их так называемой «вторичной» функции: *That would be the Houses of Parliament*) [38, с. 47–48]. Остаётся непонятным, каким образом автор определяет степень десемантизации.

По мнению большинства лингвистов, явление десемантизации касается и устойчивых словосочетаний с широкозначными глаголами. Р.Р. Николаевская затрагивает вопрос о глаголах широкой семантики при исследовании характерной для английского языка тенденции к замене полнозначного глагола словосо-

чтанием связочного или полусвязочного глагола с предикативным отглагольным существительным. В подобных словосочетаниях, по мнению автора, десемантизированный глагол широкой семантики является носителем грамматических значений. Смотрите также [29]. Значение глагола прямо не выявляется путём взаимодействия с существительным, а может быть установлено лишь путём взаимодействия с контекстом всего предложения, а иногда и путём обращения к более широкому контексту.

Другие исследователи не видят полной десемантизации широкозначных слов в устойчивых сочетаниях. И.В. Кудинова выдвинула предположение о том, что в немецком языке существуют слова, которые могут приобретать семантику грамматического типа, но не десемантизироваться. К этим словам относятся глаголы *haben*, *sein*, *machen*, *bringen*, *kommen*, *nehmen*, *geben*, *führen*, *gehen*. Она считает, что эти глаголы в аналитических глагольно-именных сочетаниях выступают в качестве вспомогательного компонента. Он слабо связан с конкретной семантикой и поэтому высоко абстрагирован. Полнозначным компонентом является существительное, которое в той или иной мере деноминализируется. Глагол сохраняет свою грамматическую природу, через него осуществляется связь с другими членами предложения. Он не десемантизируется, а только изменяет своё значение в связи с функциональной специализацией. Она дала этому явлению название «пересемантизация», то есть не утрата, а ослабление номинативной функции при возрастании роли грамматической функции широкозначного слова [42, с. 4–5, 16]. Схожая точка зрения представлена у М.В. Никитина: значение слова с широким значением настолько обобщено, что оно грамматикализируется, то есть утрачивает лексическое значение в составе идиомы. Широкозначные слова не привносят в контекст своего значения, а сами «питаются» из него [53, с. 103]. Очевидно, в данном случае происходит то же, о чём говорили предшественники: лексическое значение «трансформируется» в грамматическое.

Л.В. Барсук считает спорным вопрос о десемантизации потому, что любое слово, каким бы широким значением они ни обладало, «способно соотноситься

в сознании индивида с тем или иным отрезком реальности из круга потенциальных референтов значения». В ходе проведённого исследования автор приходит к выводу, что при идентификации значений слов широкой семантики в индивидуальном сознании происходит сведение их к образам конкретных объектов или ситуаций.

Этот процесс может быть как прямым, так и многоступенчатым, более или менее осознаваемым, обусловленным как практическим, так и языковым опытом индивида. Выбор идентификационной стратегии осуществляется неосознанно и во многом определяется типом слова-стимула и его семантикой [12, с. 15]. С.А. Песина замечает, что слово способно десемантизироваться только в сознании коммуникантов. Представление о том, что значение живёт самостоятельной жизнью, является заблуждением традиционного подхода семантики. В соответствии с когнитивным подходом актуализированное значение не представляет собой самодостаточной автономной сущности, функционирующей автономно от отправителя [55, с. 83].

Итак, лингвисты расходятся во взглядах относительно утраты широкозначными словами своего лексического значения. Большинство исследователей, которые связывают развитие широкозначности со становлением аналитического строя языка, считают, что широкое значение «растворяется» в аналитической форме. Механизм этого процесса никем не описан, поэтому остаётся непонятным, каким образом вспомогательные глаголы теряют своё значение. Напротив, другие лингвисты не согласны с этим. Тем не менее, они также не приводят убедительных доказательств, что слова широкой семантики сохраняют своё значение в любом контексте. Промежуточную позицию занимают учёные, считающие утрату значения не полной, а частичной. Называя её «семантической инактивацией» или «пересемантизацией», они, однако, не указывают, как измеряется степень этой утраты. Как бы ни был назван этот процесс, трудно согласиться, что слово может десемантизироваться, поскольку, если оно теряет лексическое значение, то перестаёт существовать как лексическая единица.

7. Концепция значения в когнитивной лингвистике

Рассмотренный выше подход к значению слова основывается на теории категоризации и игнорирует роль познавательной деятельности человека, играющей первостепенную роль при образовании понятий и значений. Наглядно-опытные знания, включающие весь «внеязыковой опыт», активно участвуют в формировании понятий. Без богатства знаний, основанных на опыте, невозможно обойтись при исследовании языка как универсального явления. Ответить на вопрос, как работает механизм актуализации значений широкозначных глаголов в речи, и сформулировать эти широкие значения может помочь когнитивный подход, который предлагает взглянуть на языковые явления с точки зрения работы индивидуального сознания. Когнитивный подход к языку подразумевает анализ лингвистических фактов в их связи с организацией понятийной системы. Поэтому лингвистический анализ с точки зрения сторонников когнитивной лингвистики должен учитывать не только языковое поведение как таковое, но и психические процессы, диктующие соответствующее поведение. При этом большое значение уделяется выявлению, описанию и объяснению внутренней когнитивной структуры, базисной для говорящего и слушающего, а также динамики речи. В соответствии с классической логикой Аристотеля [6], категория характеризуется определенным набором существенных свойств, который служит необходимым и достаточным условием принадлежности той или иной сущности к данной категории. Согласно «новому взгляду», сформулированному в работах Э. Рош и её коллег, констатируется размытость границ категорий и утверждается противоположный принцип их внутренней организации.

С точки зрения когнитивистики, язык – открытая система, и его свойства определяются общими процессами концептуализации, связанными с различными областями человеческого опыта. Что касается языкового понимания, то когнитивная лингвистика утверждает, что учет контекста и общих знаний происходит в сознании человека параллельно с анализом связанной с высказыванием собственно лингвистической информации и оказывает на последний сильное

влияние. В литературе неоднократно отмечалось, что когнитивная лингвистика не представляет собой однородного направления, объединённого общностью концепции и исследовательских подходов, – скорее, наоборот.

В то же время можно говорить о некоторых общих принципах, являющихся для неё центральными: 1. Знание языка есть не автономный модуль человеческого знания, а неотъемлемая часть этого знания. 2. Язык не поддается алгоритмическому описанию через множество элементов и правила сочетания этих элементов друг с другом, так как языковая способность непосредственно обусловлена психической организацией человека; поэтому язык следует сближать не с формальными науками – логикой и математикой, – а, скорее, с биологией. 3. Язык представляет собой единый организм, а не набор автономных компонентов, или уровней. Языковое значение является частью общей понятийной системы человека и в качестве таковой составляет основной предмет когнитивной лингвистики, ибо, «если речь идет о каких-то общих с внеязыковыми правилах или хотя бы об общих принципах, на которые эти правила опираются, то это должны быть семантические правила» [53, с. 281].

Значение слова определяется особенностями концептуализации мира человеком, которые, в свою очередь, обусловлены опытом его физического взаимодействия со средой (перцепцией, двигательной активностью) и способностью к образному мышлению: 1. Значение высказывания определяется способом «ментального конструирования» говорящим той или иной ситуации. 2. Отказ от «списочного» подхода к проблеме полисемии определяется взглядом на многозначные единицы как на категории с размытыми границами между единицами, так и между отдельными значениями той или иной единицы и с разным весом различных признаков внутри категории. Моделирование внутренней структуры многозначной единицы происходит в виде сетевой модели, узлы которой характеризуются разной степенью центральности и когнитивной выделенности и связаны между собой отношениями различной природы и разной степени близости. 3. Особое внимание уделяется изучению образных средств языка, которые рас-

сматриваются в качестве важного источника сведений об организации человеческого мышления. 4. Постулируется невозможность строгого разделения собственно языковой (словарной) и энциклопедической информации вследствие неавтономности языкового знания, его неотделимости от знаний о мире вообще. 5. Выдвигается требование субъективизации лингвистических исследований, подразумевающее учет социальных, культурных и прочих факторов, фоновых знаний и прошлого опыта индивида или социальных групп. Основополагающие положения когнитивной лингвистики оставляют лингвисту огромную свободу в выборе тематики и методики исследований.

В этом плане характерна точка зрения В.Б. Касевича, считающего, что «разработанные подходы и результаты обогащают языкознание, но не создают ни нового объекта, ни даже нового метода» [35, с. 20]. На отсутствие у когнитивной лингвистики собственных исследовательских методов обращает внимание и П.Б. Паршин. По его наблюдениям, когнитологи чаще всего практикуют опору на интроспекцию и суждения информанта, обычно самого исследователя, относительно приемлемости / неприемлемости тех или иных языковых форм, а также используют методы других наук (психологии, нейронауки) [54, с. 30–31].

В русле когнитивной лингвистики разрабатывается прототипическая теория значения, которая пытается объяснить реально существующие категории человеческого языка и мышления, а не предполагает заранее, что имеющиеся языковые категории должны иметь объективную базу и поэтому объективный «реальный мир» должен быть структурирован как язык.

Однако прототипическая теория не свободна от недостатков.

Во-первых, в трактовке естественных категорий, ставя во главу угла познавательную деятельность человека, эта теория игнорирует независимое от человека объективное состояние реальности. У людей, как правило, наряду с прототипическими знаниями, имеется представление и о критериальных признаках и границах понятия. Дж. Эйчисон приводит в этой связи такой пример: «если в силу каких-либо обстоятельств появятся новые или мутантные виды, например

малиновка с одним крылом, это не помешает отнести их соответственно к категориям птиц и четвероногих млекопитающих» [80, с. 55].

Во-вторых, прототипическая теория не отвечает на вопрос, «где следует остановиться при анализе прототипа и как чётко определить его специфику и существенные признаки. В этой связи возникают проблемы относительно неоднозначных, пограничных случаев».

Таким образом, несмотря на то, что прототипы очень удобны в нашем взаимодействии с окружающей конкретной действительностью, освобождая мозг от трудоемких когнитивных процессов, нельзя считать прототипическую теорию значения, полностью отвечающей требованиям адекватного описания лексической семантики. «Было бы неверно противопоставлять понятия прототипа и семантического признака, так как эти понятия дополняют друг друга в лексическом значении слова.

Плодотворным, на наш взгляд, является комбинированный подход к значению слова, учитывающий и традиционный, и прототипический подходы к значению слова, наиболее адекватно соответствующий комбинированной природе лексического значения» [43, с. 36]. Подобная мысль прослеживается ранее и у Г. Перссона [81, с. 18–19]. Если считать, что система языка находится в индивидуальном сознании, то правомерно поставить вопрос о том, как значения слов представлены в долговременной памяти человека: в виде пучков многочисленных значений, подобно словарным дефинициям, или как-то иначе? Ещё в 1971 году А.А. Брудный писал: «в памяти индивида просто не могут быть дискретно зафиксированы все варианты значений всех известных ему слов. Учитывая то, что язык обладает таким свойством, как экономия, логично сделать вывод, что системная информация о единицах языка хранится в памяти индивида не в форме развёрнутых словарных дефиниций, а в ином, более компактном виде вместе с известными ему механизмами актуализации значений» [18, с. 19].

Знание слов, составляющее лексикон, возникает о предметах мира, т.е. о единицах тезауруса. Понять какую-либо фразу или текст можно, «пропустив» её через свой тезаурус, то есть, соотнеся её со своими знаниями о мире и отыскав

соответствующее её содержанию место в картине мира. «Этот результат может быть достигнут при неполном, приблизительном знании семантики отдельных слов, но адекватном соотнесении их смысла с областями и «узлами» (дескрипторами) тезауруса и не может быть достигнуто в условиях владения значениями, семантикой, но незнания соответствующих дескрипторных областей» [35, с. 17].

Это подтверждает мысль о том, что знание всех возможных актуализирующихся в речи значений как широкозначных, так и многозначных слов для успешной коммуникации не обязательно, поскольку говорящий знает системное значение слова. Поэтому в этой работе уделяется внимание изучению именно значений, представленных на уровне языка, через анализ словарных лексико-семантических вариантов широкозначных глаголов. В самом деле, произнося какое-либо слово, человек, очевидно, не актуализирует в сознании совокупности всех признаков, составляющих данное понятие, поскольку для этого потребовалось бы некоторое время и определённые усилия. С точки зрения А.А. Потебни, вне контекста слово выражает не всё своё содержание, а только один существенный признак – ближайшее значение. Оно вместе с представлением делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга [62, с. 19–20].

Всё это указывает на то, что при анализе многозначной лексемы невозможно вывести общую часть значений логическим путём с применением строгих правил. Поскольку процесс формирования значений многозначного слова происходит в голове человека, нельзя решать проблему содержательного ядра слова без обращения к тому, каким видит его человек-носитель языка. Свои пути решения проблемы многозначности были предложены когнитивной лингвистикой, выработавшей качественно новый подход к рассмотрению явлений языка, пользуясь, например, понятием *концепт*, который, по точному и компактному определению Ю.С. Степанова, представляет собой «сгусток культурной среды в сознании человека» [71, с. 40]. Последнее требует дополнительного лингвистического анализа и отдельной публикации, хотя на предыдущих страницах мы, как хочется надеяться, изложили основные понятийные представления.

Список литературы

1. Авдеев А.А. Проблемы широкозначности и её соотношения с полисемией и дейксисом (на материале имен существительных английского, русского и французского языков): Автoreф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2002. – 20 с.
2. Амосова Н.Н. К вопросу о лексическом значении слова / Н.Н. Амосова // Вестник ЛГУ. – 1957. – Вып. 1. – №2.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. – Т. 1. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 464 с.
4. Аралов А.М. О проблеме отбора месте широкозначных слов в структуре частей речи // Социолингвистические и лингвистические аспекты в изучении иностранных языков. – М.: Изд-во Рос. Ун-та дружбы народов, 1992. – С. 23–31.
5. Аристотель. Метафизика // Сочинения в 4-х томах. – Т1. – М.: Мысль, 1975. – 552 с.
6. Архипов И.К. О принципах идентификации переносных значений. Языковая система и социокультурный контекст // Studia Linguistica. – Вып. 4. — СПб.: Тригон, 19976. – С. 27–36.
7. Архипов И.К. О лексических значениях глаголов широкой семантики // Человеческий фактор в языке: Учебно-методическое пособие (материалы к спецкурсу). – СПб.: Невский ин-т языка и культуры, 2001. – С. 57–67.
8. Архипов И.К. Коммуникативный цейтнот и прототипическая семантика // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – №4 (7): Общественные и гуманитарные науки. – СПб., 2004.– С. 75–85.
9. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.
10. Барсук Л.В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (На материале существительных): Автoreф. дис.... канд. филол. наук. – Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 1991. – 16 с.

11. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1966. – 199 с.
12. Беляевская Е.Г. Принципы когнитивных исследований: проблемы моделирования семантики языковых единиц // Когнитивная семантика: Материалы Второй Междунар. школы-семинара. – Тамбов, 2000. – Ч. I. – С. 8–10.
13. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Наука. – 430 с.
14. Боровик М.А. Развитие значений глаголов do и make в английском языке. Дис.... канд. филол. наук. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1958. – 339 с.
15. Бочкарева Н.Н. Пути актуализации семантических категорий, общих для аффиксов и существительных широкой семантики в современном английском языке // Проблемы словообразования в английском и немецком языке. Межвуз. сборник науч. трудов СГПИ им. К. Маркса. – Смоленск, 1982. – С. 90–95.
16. Брудный А.А. Значение слова и психология противопоставлений // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. – М.: Наука, 1971. – С. 19–27.
17. Бухмастова Г.А. Предикативное употребление имен лиц широкой семантики // Единицы языка в функциональном аспекте. – Тула: ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1991. – С. 4–9.
18. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972.
19. Виноградова И.Ю. Фразовые глаголы (английский язык). – М.: МИЭТ, 2002. – 42 с.
20. Влавацкая М.В. Теоретические проблемы комбинаторной лингвистики. Лексикология. Лексикография. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 508 с.
21. Владимирцева А.Г. Становление и развитие устойчивых словосочетаний с глаголами take и give в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 21 с.
22. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.

23. Гросул Л.Я. Широкозначные глаголы динамического состояния в английском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М.: АН СССР, Ин-т языкоznания, 1978. – 21 с.
24. Гурский С.Е. Глагольные сочетания типа go out, make away в современном английском языке. – М.: Просвещение, 1975.
25. Джоламанова Б.Д. Имя существительное с широким значением в лексической системе современного английского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М.: МГПИИ им. Мориса Тореза, 1978. – 22 с.
26. Дианова Е.М. Взаимодействие лексико-семантических вариантов в семантической структуре слова (На примере английских существительных с широкой понятийной основой): Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1979. – 16 с.
27. Димова С.Н. К проблеме широкого значения слова (на материале существительного way) // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1971. – Т. 416. – Вып. 1. – С. 120–135.
28. Долинина И.Б. Проблема представления синтаксической структуры в грамматике «членов предложения» / Проблемы моделирования языка / Учёные записки Тартуского ун-та, 1968. – Вып. 228. – С. 27–41.
29. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958.
30. Ждан Н.Т. Средства выражения категории обладания в древнеанглийском языке: Дис.... канд. филол. наук. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1987. – 203 с.
31. Загородня В.А. Перевод глаголов широкой семантики в научно-технических текстах с английского языка на русский. – М.: Изд-во МГОУ, 2005. – 144 с.
32. Звегинцев В.А. Семасиология. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – 321 с.
33. Зильберман Л.И. К вопросу о словарном и контекстном значении слова // Особенности языка научной литературы. – М.: Наука, 1965. – С. 95–121.
34. Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. – СПб.: Наука, 1998. – С. 14–21.
35. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М. –Л.: Наука, 1965. – 110 с.

36. Кимов Р.С., Битокова С.Х. О соотношении многозначности и широкозначности слов. – Уфа: БГУ, 1989. – С. 8–14.
37. Колесов И.Ю. Механизм грамматизации глагола (на материале глаголов, имеющих более двух статусов в современном английском языке): Дис.... канд. филол. наук. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1994. – 374 с.
38. Колобаев В.К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (На материале медицинских публикаций): Автoref. дис.... канд. филол. наук. – Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1983. – 14 с.
39. Колобаев В.К. О некоторых смежных явлениях в области лексики / В.К. Колобаев // Иностранные языки в школе. – 1983. – №1. – С. 11.
40. Конецкая В.П. Принципы классификации лексических значений слова (К вопросу о системе лексических значений) // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1956. – Т. 93. – Вып. 1. – С. 93–107.
41. Кудинова В.И. Широкозначные глаголы в современном немецком языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1994. – 16 с.
42. Кудрявцева Н.П. К типологической характеристике широкозначной номинации в английской разговорной речи. Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький, 1987. – С. 83–88.
43. Куний А.В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре / А.В. Куний // Тетради переводчика. – 1964. – №2. – С. 15.
44. Курилович Е. Очерки по лингвистике / Сб. статей. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 456 с.
45. Ленца А.Л. К вопросу о глаголе широкой семантики (На примере французского слова *avoir*) // Лексические и грамматические исследования. – Кишинёв: Штиинца, 1978. – С. 93–101.
46. Ленца А.Л. Широкозначность глагола и контекст. – Кишинёв: Штиинца, 1987. – 99 с.
47. Лещинский С.А. Значение и употребление глагола GET в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 2003. – 190 с.

48. Локк Д. Опыт о человеческом! разуме // Избранные философские произведения. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Т. 1. – 736 с.
49. Маринова Е.Д. Синтаксис и семантика некоторых широкозначных глаголов динамического состояния в английском языке (опыт диахронического исследования): автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 1995. – 19 с.
50. Массалина И.П. Средства выражения связующей функции в английском языке военно-морского дела. Автореф. дис. ... к. филол. наук. – Калининград, 2009. – 20 с.
51. Мельчук И.А. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. – 1970. – №4. – С. 111–124.
52. Никитин М. В. Полисемия на пределе (широкозначность) Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. – Тамбов: Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005.
53. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX в. Вопросы языкознания, 1996. – №2. – С. 19–42.
54. Песина С.А. Полисемия в когнитивном аспекте: Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 325 с.
55. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
56. Плоткин В.Я., Гросул Л.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. – Кишинев: Штиинца, 1982. – С. 81–86.
57. Плоткин В.Я. Широкозначность как особый тип семантики слова. Номинация и контекст. – Кемерово, 1985. – С. 94–99.
58. Плоткин В.Я. Стой английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 241 с.
59. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 136 с.

60. Поленова Г.Т. Диахроническая типология глагола *sein* в составе немецких аналитических конструкций // Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя. – М. – Калуга: Эйдос, 2006. – С. 156–163.
61. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1–2. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.
62. Родионов В.А. «Цельносистемная типология» vs «частная типология» // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1989. – №1. – С. 16–30.
63. Серебренников Б.А. Язык отражает действительность или выражает её знаковым способом? Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. / Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1988. – С. 70–107.
64. Сильницкий Г.Г. Глагольная валентность и залог // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. – Л: Наука, 1974. – С. 54–72.
65. Сильницкий Г.Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов: Дис. ... доктора филол. наук. – Л., 1974. – 442 с.
66. Сиротко-Сибирская И.С. Развитие и становление сочетания «связочный глагол и именной компонент» в английском языке (на материале письменных памятников VIII–XV веков): Дис.... канд. филол. наук. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1979. – 216 с.
67. Скаличка В.О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. III. – С. 3–38.
68. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.
69. Соколова В.М. К проблеме слов широкой семантики // Вопросы германской филологии. Волгоград: ВПИ им. А.С. Серафимовича, 1967. – С. 22–37.
70. Сонголова Ж.Г. Структурно-семантические особенности вторичных аналитических конструкций в английском языке. Проблемы историко-типологических исследований германских языков в лингво-этническом аспекте / Ж.Г. Сонголова // Вестник НГЛУ. Серия Лингвистика. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. – Вып. 4.

71. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1977.
72. Судакова О.Н. Семантика и функционирование широкозначных имён существительных (на материале английского и немецкого языков): Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М.: МГИИ им. Мориса Тореза, 1990. – 21 с.
73. Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов: доклады сов. делегации. – М.: Наука, 1968. – С. 339–366.
74. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – 272 с.
75. Уфимцева А.А. Лексика // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972.
76. Уфимцева А.А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики). – М.: Наука, 1986. – 240 с.
77. Шапошникова И.В. Системные диахронические изменения: лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 1999. – 243 с.
78. Ярцева В.Н. Составное сказуемое и генезис связочных глаголов в английском языке // Труды ВИИЯ. – 1947. – №3. – С. 29–47.
79. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. – М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961. – 308 с.
80. Aitchison J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. Oxford, New York: Basil Blackwell, 1988. 250 pp.
81. Persson G. Meanings, Models and Metaphors. Stockholm: Almqvist and Wiksell intern., 1990. 205 pp.

Шабаев Валерий Георгиевич – канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», Россия, Новосибирск.
